

О ЕДИНОЙ «ЛИНЕЙКЕ» РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРАВО- И НОРМОНАРУШЕНИЯ

© 2022 г. М. И. Клеандров

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: mkleandrov@igpran.ru

Поступила в редакцию 14.08.2022 г.

Аннотация. В статье ставится и рассматривается проблема создания «линейки» правонарушений и нарушений этических норм в зависимости от их степени общественной опасности – слева направо: преступление – уголовный проступок (не имеющий пока у нас законодательного закрепления) – административное правонарушение – нарушение норм этических актов (кодексов и пр.). Что позволит четко определить место каждого нарушения в условиях в ряде случаев размытости границ между ними (приведены примеры) и, соответственно, адекватное наказание за каждое нарушение. А это будет способствовать совершенствованию законодательства – материального и процессуального публично-правового толка, провести его инкорпорацию, а в будущем, не исключено, и кодификацию.

Ключевые слова: преступление, уголовный проступок, административное правонарушение, нарушение этических норм, «линейка» нарушений в публичной сфере.

Цитирование: Клеандров М. И. О единой «линейке» регулирования ответственности за право- и нормонарушения // Государство и право. 2022. № 10. С. 7–17.

DOI: 10.31857/S102694520022611-3

ON A SINGLE “LINE” OF REGULATION OF LIABILITY FOR LEGAL AND REGULATORY VIOLATIONS

© 2022 M. I. Kleandrov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: mkleandrov@igpran.ru

Received 14.08.2022

Abstract. The article raises and examines the problem of creating a “line” of offenses and violations of ethical norms, depending on their degree of public danger – from left to right: crime – a criminal offense (which has not yet been legislated in our country) – an administrative offense – violation of the norms of ethical acts (codes, etc.). That will allow to clearly define the place of each violation in conditions of blurring of the boundaries between them in some cases (examples are given) and, accordingly, adequate punishment for each violation. And this will contribute to the improvement of legislation – material and procedural public law sense, to carry out its incorporation, and in the future, it is possible, and codification.

Key words: crime, criminal offense, administrative offense, violation of ethical norms, “line” of violations in the public sphere.

For citation: Kleandrov, M.I. (2022). On a single ‘line’ of regulation of liability for legal and regulatory violations // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 7–17.

Деление регулирования правом общественных отношений на отрасли, подотрасли, институты и пр., а соответственно, и ответственность за нарушение прав, закрепленных положениями этих видов регулирования, также «делённое» и обладающее соответствующими специфическими особенностями, образовалось естественным путем и столь давно, постепенно развиваясь, углубляясь и дифференцируясь, что кажется – иначе и быть не может. По сути, то же можно сказать и о делении регулирования своей сферы нормами этики, отнюдь не правовыми, но являющимися гораздо более широкими, чем правовые, и об ответственности за их нарушение, видов и форм ответственности которых также много больше, чем в сфере права.

При этом названное деление охватывает непосредственно сферу как отраслей права, так и отраслей законодательства, отраслей науки и учебные дисциплины. В принципе, «делить» аналогичным образом можно и сферу этики.

В отечественной юридической литературе «деление» в сфере права общественных отношений исследовано с различных сторон¹, в том числе и с учётом наступающей цифровой эпохи², что усугубляет проблематику с невероятной быстротой – уже сейчас Искусственный интеллект (ИИ) учится справляться с предложенными учеными задачами, но если они поставят некие ограничения, то может просто их не учесть. ИИ не понимает контекста, в котором происходит решение задачи, и в итоге может предложить опасное для человека заключение³. Есть и серьезные монографические исследования, посвящённые этой проблематике⁴.

¹ См., напр.: Власова Т.В. Виды и стадии регулирования правоотношений // Росс. правосудие. 2021. № 8. С. 54–58.

² См., напр.: Мирошник С.В. Развитие права в цифровую эпоху // Росс. правосудие. 2022. № 1. С. 16–23.

³ См.: Дризе Ю. Интервью с С. Шумским. Думай, как я. Искусственному интеллекту требуется воспитатель // Поиск. 2022. № 28–29. С. 5.

⁴ См., напр.: Еришов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М., 2018; Его же. Регулирование правоотношений. М., 2020.

Исследуется и нормативное, более широкое и более мягкое регулирование общественных отношений. В том числе отвергается понимание нормативности в узком смысле, когда в определенном контексте она носит негативный характер, ассоциируется с позитивизмом, тогда как в действительности нормативность – богатое и многообразное историческое явление, универсальное свойство человеческого бытия, позволяющее обеспечить передачу правил жизни от поколения к поколению. Но вместе с тем она динамична, её содержание меняется; она характеризует ту или иную культуру, и если исследовать историю различных этносов по характеру нормативных предписаний, то можно получить целостное представление о жизни множества поколений, о прогрессивной или регрессивной динамике их развития⁵.

Тем не менее сказанное Е.А. Лукашевой (и иными исследователями данной проблематики) о нормативности и нормативном регулировании общественных отношений – в той мере, когда речь идет об этическом регулировании, – в принципе, можно распространить и непосредственно на правовое регулирование общественных отношений. Соответственно, и в той части, которая относится к ответственности.

А это означает, что мы имеем дело с изначально единым фундаментом регулирования общественных отношений, разделенным в силу объективных потребностей на правовое (деленное, в свою очередь, на отрасли, подотрасли, институты и пр.) и нормативное, когда оно этическое. Хотя нормативное здесь используется за неимением иного, относящегося исключительно к этическому регулированию, а пока нормативное этическое – это также и нормативное правовое.

А правовое регулирование, если взять лишь его часть – правонарушение, состоит в сфере публичного права, в его ядре из уголовной

⁵ См.: Лукашева Е.А. Нормативность как феномен культуры: происхождение и значение // Труды ИГП РАН. 2019. Т. 14. № 2. С. 21.

и административной отраслей. И всё ли здесь, как ни странно, ясно? Прежде всего в сфере ответственности за правонарушение?

Несмотря на то что понятие «уголовная ответственность» содержится в статьях Уголовного кодекса РФ более семи десятков раз, отмечает Р.Д. Шарапов, его определение данный законодательный акт, как и другие кодифицированные акты отраслей законодательства криминального цикла (УПК РФ, УИК РФ), не содержит⁶. Что, по его мнению, не только обуславливает разнообразие суждений о понятии уголовной ответственности в юридической теории, но, что более важно, дезориентирует правоприменителя в понимании и применении ряда норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих основания и порядок применения мер уголовно-правового воздействия (например, подлежит ли осужденный освобождению от уголовной ответственности или от уголовного наказания, если предусмотренный ст. 78 УК РФ давностный срок истёк в период пересмотра уголовного дела в суде апелляционной инстанции)⁷.

Но общая ситуация, как минимум в сфере научных исследований, в проблематике уголовной ответственности более сложная и неоднозначная. Согласно ч. 1 ст. 14 УК РФ «преступлением признается виновное совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания», в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления подразделяются на преступления небольшой тяжести, преступления средней тяжести, тяжкие преступления и особо тяжкие преступления. При этом жестко указано: «Не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности» (ч. 2 ст. 14 УК РФ).

Если образно на одной прямой распределить указанные в зависимости от степени общественной опасности преступления, да ещё с учетом «вилки» уголовного наказания, то левее будут преступления особо тяжкие, правее — преступления тяжкие, далее — преступления средней тяжести, а еще далее — небольшой тяжести. Места в этой «линейке» деяниям, хотя «формально и содержащим признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим кодексом (УК РФ. — М.К.), но в силу малозначительности

не представляющее общественной опасности», нет. И вариантов здесь немало⁸.

Стоит указать и на наличие здесь определенного «ответвления» от уголовной ответственности в виде гражданской ответственности в составе структуры того или иного преступления, где она есть. Впрочем, институт гражданского иска в уголовном процессе давно и хорошо известен.

А если продолжить далее вправо систему правонарушений (а разве все преступления — это не правонарушения крайней степени общественной опасности?), то там будет уже находиться административное правонарушение, которым, как закреплено в ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ, «признается противоправное виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое настоящим Кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность». И здесь законодательно дифференцируются категории административных правонарушений (ст. 3.2 КоАП РФ) на грубые, значительные и менее значительные, что, кстати, подверглось острой критике в юридической литературе, где отмечено: без четко разработанных критериев введение оценочных понятий непосредственно в КоАП РФ является грубой ошибкой, содержащей одновременно коррупционный фактор, позволяющий отдавать на откуп малограмотному или юридически безграмотному «оценщику» квалификацию составов противоправных деяний, затрагивающих жизненно важные интересы деятельности юридических и физических лиц, со всеми вытекающими из такой субъективной оценки последствиями⁹.

Здесь очевидно (как полагает автор данных строк), указанное критическое замечание направлено не против деления административных правонарушений на грубые, значительные и менее значительные, а против отсутствия четко разработанных критериев оценочных понятий этих самых административных правонарушений.

Есть ещё один аспект рассматриваемой проблемы. Если гражданский иск в уголовном процессе (в едином судебном заседании) — дело обычное (хотя и там есть сложности в правоприменении), то ситуация с гражданским иском в административном процессе принципиально иная. В частности, при взыскании морального вреда с органов власти или конкретных чиновников граждан

⁶ См.: Шарапов Р.Д. Понятие уголовной ответственности: закон, теория, практика // Вестник Университета прокуратуры РФ. 2022. № 88. С. 29.

⁷ См.: там же. Пример — со ссылками на Постановление президиума Иркутского областного суда от 01.10.2018 г. // Бюллетень ВС РФ. 2020. № 9; Определение ВС РФ № 32-020-1.

⁸ См. подр.: Горбатович Д.А. Добровольный отказ и неправомерные уголовно-правовые деяния // Росс. правосудие. 2022. № 3. С. 89–98.

⁹ Севрюгин В.Е., Козлова А.С. Роль административно-правовой науки в разработке нового Кодекса РФ об административных правонарушениях // Lex russica. 2016. № 10 (119). С. 170.

в первую очередь должен доказать свою правоту через административное судопроизводство, а лишь затем, опираясь на решение, обладающее преюдициальной силой, добиваться в отдельном гражданском процессе соответствующей компенсации морального вреда.

Но главное: могут ли самые грубые административные правонарушения на названной выше «линейке» вплотную примкнуть к самым мягким преступлениям? Нет — по множеству причин.

Не случайно в юридической литературе активно обсуждается вопрос выделения в уголовном законодательстве определенной группы общественно опасных деяний (точнее, не представляющих особую опасность), которую общепринято именовать «уголовным проступком»¹⁰. При этом отмечено, что данная идея не нова, истоки подобных предложений можно проследить еще в 1960-х годах¹¹. Активно позицию об институте уголовного проступка продвигают и известные практики: Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев, Председатель Следственного комитета России А.И. Бастрыкин и др., что однозначно свидетельствует: проблема, имеющая научное обоснование, настоятельно требует практического — законодательного — решения.

Современный же всплеск интереса к проблематике «уголовного проступка», причем не только со стороны «чистой науки», но и непосредственной правоприменительной (и, что немаловажно, включая судебную) практики, можно объяснить и необходимостью общей гуманизации уголовной политики, которая в действительности подчас бывает неоправданно жестокой, и общим несовершенством уголовного и уголовно-процессуального законодательства (достигающим уровня настоятельных требований разработки и принятия принципиально новых УК РФ и УПК РФ, базирующихся на убежденности в необходимости новой, даже новейшей уголовной политики России¹²), и таким же

¹⁰ Обзор и анализ высказываний по этому вопросу см., в частности: *Гаврилов Б.Я., Рогова Е.В.* Мировая юстиция и уголовный проступок: мнение ученого и практика (обоснование проблемы, современное состояние и меры по совершенствованию) // Мировой судья. 2016. № 12. С. 20–31; *Дорошков В.В.* К вопросу об уголовном проступке // Мировой судья. 2016. № 12. С. 31–39.

¹¹ Б.Я. Гавриловым и Е.В. Роговой в указанной выше работе названы, например, такие источники: *Кузнецова Н.Ф.* Преступление и преступность. М., 1969. С. 167–170; *Шаргородский М.Д.* Вопросы общего учения о наказаниях в период развернутого строительства коммунистического общества: межвуз. науч. конф. «Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма». Л., 1961. С. 78; и др.

¹² См., в частности: *Максимов С.В.* Новейшая уголовная политика России (1996–2016): итоги, проблемы, перспективы: науч. доклад (Отдельное издание). М., 2016.

общим несовершенством законодательства об административных правонарушениях (также требовавшем разработки принципиально нового КоАП РФ), и иными факторами. Но в этом ряду, а может быть, на первом месте этого ряда следует, по мнению автора настоящей работы, назвать и недостаточную научно-методическую проработку проблемы соотношения понятий «преступление», «уголовный проступок» и «административное правонарушение», а также далее вправо по «линейке» — и проступка этического. Понятия, которые имеют не только законодательный (для правонарушений) фундамент, но и основы в обширной правоприменительной практике, а также, что не менее значимо, укоренившихся в общественном сознании. Эти понятия можно и нужно рассматривать с самых разных сторон, что и делалось (и делается) учеными... Автор же пробует взглянуть на них в целостном единстве, по крайней мере пробует (в абстрактной форме) поместить их в одну «линейку», показав, что границы между ними малосущественны и даже подчас не столь уж нужны.

Может ли такой границей между преступлением и административным правонарушением послужить то обстоятельство, что административным правонарушителем у нас может быть как физическое, так и юридическое лицо, а преступником — только физическое лицо? Вряд ли.

В настоящее время понимание юридического лица в качестве «преступника» представляется настоятельно необходимым прежде всего в таких видах преступных деяний, как коррупция¹³, финансирование терроризма, отмывание преступных доходов, коммерческий подкуп, участие в организованной (тем паче транснациональной) преступности, организация массовых беспорядков, насильственный захват власти и ряда иных.

Да и вообще уголовная ответственность юридических лиц установлена законодательством большинства стран Европейского Союза и большого числа государств, в него не входящих. Это тоже не слабый аргумент за её введение в нашей стране.

Но не всё так благобно с идеей внедрения у нас института уголовного проступка. Например, в Республике Казахстан в новом Уголовном кодексе он есть, им признается «совершенное виновное деяние (действие либо бездействие), не

¹³ Строго говоря, п. 1 Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27.01.1999 г. (наша страна в ней участвует) прямо предписывает: «Каждая сторона принимает такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться для того, чтобы юридические лица могли быть привлечены к ответственности в связи с совершением уголовных правонарушений» (см. подр.: *Зорькин В.Д.* Конституционный Суд Российской Федерации: доктрина и практика. М., 2017. С. 385).

представляющее большой общественной опасности, причинившее незначительный вред либо создавшее угрозу причинения вреда личности, организации, обществу или государству, за совершение которого предусмотрено наказание в виде штрафа, исправительных работ, привлечения к общественным работам, ареста». Причем арест за совершение уголовного проступка установлен до 90 суток. Однако на научно-практической конференции в Верховном Суде РФ, где обсуждались предложения по совершенствованию уголовного и уголовно-процессуального законодательства, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Университета им. Гумилева (Республика Казахстан) К. Балтабаев, указав на ряд его существенных недостатков, также отметил: «Минус ещё и в том, что ряд административных правонарушений перекочевал в Уголовный кодекс»¹⁴. Надо полагать, «перекочевал» в качестве уголовного проступка, а не преступления.

Но существенно более серьёзным, на взгляд автора этих строк, недостатком идеи уголовного проступка в нашей стране (несмотря на все его несомненные плюсы) является следующее обстоятельство.

Предположим, совершил гражданин уголовный проступок (после введения этого института в Уголовный кодекс РФ), а затем скрылся с места совершения этого проступка, т.е. его не схватили сразу же. После чего появились вызванные потерпевшими сотрудники полиции. Либо вызвал гражданин наряд полиции, обнаружив уголовный проступок, где он при условии: «если эти действия не повлекли причинение значительного ущерба» (ст. 7.17 УК Республики Казахстан, но ведь и у нас не может быть иначе). Что будут делать полицейские, приехав на место совершения этого уголовного проступка, при отсутствии наличия самих уголовных правонарушителей? Вызовут следователей, оперативников уголовного розыска, экспертов криминалистической лаборатории? Будут снимать отпечатки пальцев, составлять, размножать и рассылать фоторобот предполагаемого нарушителя, опрашивать свидетелей правонарушения, «напрягать» агентурно-осведомительную сеть, сидеть в засадах и т.д., т.е. использовать весь арсенал средств, предусмотренных законодательством Российской Федерации (и иными подзаконными актами) об оперативно-розыскной деятельности?

Ясно же, что ничего этого не будет. Ведь этот правонарушитель не совершил преступления, а аппараты уголовного розыска и дознания ориентированы в первую голову на раскрытие преступлений (с приоритетами: вначале особо тяжкие, потом «просто» тяжкие...). Могут ли у оперативников

и дознавателей дойти руки до совершенных уголовных проступков? Вряд ли, даже если это им введут в должностные обязанности. Поэтому будут «висяки» и «глухари», портящие для правоохранительных органов статистическую отчетность, а для потерпевших граждан осознание беззащитности против правонарушений в форме уголовного проступка.

Далее – вправо по рассматриваемой «линейке».

Само по себе этическое регулирование, что общеизвестно, представляет собой установление правил поведения для определенной группы людей (именно! – М.К.) соответствующим сообществом – этой группой людей (либо его органом), а не государством. И это регулирование распространяется в ограниченных масштабах – лишь на это сообщество (в отличие от правового регулирования, сфера действия которого обычно намного шире). В юридической литературе отмечается, что нормативные акты, содержащие этические стандарты (нравственно-этические нормы, регулирующие профессиональную деятельность), именуют «кодекс профессиональной этики», «этический кодекс», «кодекс чести», «декларация этических норм», «хартия профессиональных принципов» и пр.¹⁵ А.А. Малиновский отмечает, что данные кодексы своими предписаниями дополняют положения законодательных актов, регламентирующих деятельность аудиторов, врачей, журналистов, юристов и других представителей наиболее важных и общественно значимых профессий¹⁶.

Это в полной мере относится и к ответственности за нарушение норм этической ответственности, установленных нормативными актами этического регулирования.

Второе отличие этической ответственности от правовой заключается в её более мягком содержании, менее болезненном, менее суровом, менее чувствительном для нарушителя этических норм.

При этом различие между этической (не правовой) и дисциплинарной (правовой) ответственностью существует далеко не всегда, во всяком случае не всегда чётко обозначена, более того, обычно она отсутствует. К тому же правовое и этическое регулирование являются разновидностями социальной ответственности, т.е. у них общие «корни». Следовательно, у правовой и этической ответственности общая фундаментальная база – ответственность социальная. В историческом плане разница между этими видами регулирования общественных

¹⁵ См.: *Финогентова О.Е., Полозков Е.В.* Система этических кодексов в современной России // Вестник БФУ им. И. Канта. 2013. Вып. 9. С. 15.

¹⁶ См.: *Малиновский А.А.* Кодекс профессиональной этики: понятие и юридическое значение // Журнал рос. права. 2008. № 4. С. 39.

¹⁴ Независимая газ. 2017. 3 марта.

отношений и, соответственно, ответственности за их нарушение вряд ли официально существовала. Сейчас же положение иное.

Пожалуй, наиболее чётко этическая ответственность (без всякого «вкрапления» ответственности дисциплинарной) наличествует в этическом кодексе Саратовской государственной юридической академии, что неудивительно — наверняка нормативный акт об этическом регулировании поведения сотрудников этой Академии составляли ученые СГЮА — профессионалы высокой квалификации, четко различающие принципиальную разницу между этической (не правовой) и дисциплинарной (правовой) ответственностью.

Речь идет о Кодексе профессиональной этики работников ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (утв. председателем ученого Совета, ректором Академии 26.04.2018 г., протокол № 5).

В силу раздела 2.7. этого Кодекса общий контроль соблюдения этических правил профессионального поведения осуществляет Комиссия по этике профессионального поведения Академии (при том, что соответствующие комиссии по этике могут создаваться в её обособленных структурных подразделениях — по согласованию с ректором Академии).

Устав регламентирует порядок создания названной Комиссии, рассмотрение в ней материалов, принятие решений и т.д. Установлено, что в случае установленного указанной Комиссией факта нарушений этических правил профессионального поведения в качестве общественного осуждения неэтичного поведения работника Академии в отношении него могут быть вынесены следующие решения: указание на этическое поведение; общественное замечание о неэтичном поведении; предупреждение о недопустимости нарушения правил профессиональной этики.

Кроме того, что представляется важным, названные общественные наказания учитываются: а) при конкурсном избрании на замещение должностей научно-педагогических работников Академии; б) при аттестации работников Академии на предмет соответствия занимаемым должностям, выполняемой работе; в) принимаются во внимание при установлении работникам Академии стимулирующих выплат, установленных в Академии.

Сходно регулирование и в Кодексе этики членов Общественной палаты РФ, принятом на втором Пленарном заседании Палаты 14 апреля 2006 г.¹⁷ В разд. 3 «Ответственность за нарушение Кодекса этики» установлено: «Статья 5. Нарушением Кодекса признается

¹⁷ См.: Грудцына Л. Ю. Кодекс этики членов Общественной палаты России // Адвокат. 2007. № 8.

невыполнение или ненадлежащее выполнение членом Общественной палаты этических норм поведения, установленных настоящим Кодексом. Статья 6. В случае нарушения норм Кодекса на заседании Общественной палаты, комиссии, рабочей группы и иных мероприятиях Общественной палаты председательствующий предупреждает выступающего о недопустимости подобного нарушения, а в случае повторного нарушения лишает его права выступления в течение всего заседания. Статья 7. В случае грубого нарушения членом Общественной палаты норм Кодекса его полномочия могут быть прекращены на основании Федерального закона «Об общественной палате Российской Федерации» в порядке, установленном Регламентом Общественной палаты. Статья 8. Под грубым нарушением понимается нарушение норм, установленных настоящим Кодексом, допущенное членом Общественной палаты при осуществлении своих полномочий, которое отрицательно повлияло на осуществление целей и задач Общественной палаты»¹⁸.

Но есть и кодексы этики, где разграничения между этикой и правом «смазаны». Например, Кодекс этики и служебного поведения служащих Банка России (одобрен решением Совета директоров Банка России от 21.06.2013 г. (протокол № 13)), где норм об ответственности за его нарушение нет, лишь в п. 4.1 сказано: «Соблюдение служащими Банка России положений настоящего Кодекса может учитываться при формировании кадрового резерва Банка России для выдвижения на вышестоящие должности, а также при наложении дисциплинарных взысканий». То есть, во-первых, соблюдение норм Кодекса может и не учитываться, во-вторых, а их несоблюдение может учитываться при наложении дисциплинарных взысканий (что, их смягчать?); в-третьих, а их несоблюдение? Здесь — лакуна.

Да и в иных кодексах этического регулирования, которые следует отнести к сфере предпринимательской деятельности, положение дел такое же (или почти такое же). Это: Кодекс этики профессиональных бухгалтеров — членов Института профессиональных бухгалтеров России (утв. Решением Президентского совета Института профессиональных бухгалтеров и аудиторов России, протокол № 09/07 от 26.09.2007 г.) (есть этические стандарты специалистов этой профессии и на международном уровне)¹⁹; Кодекс этики аудиторов

¹⁸ Решетникова И. В. Гарантии деятельности членов общественных палат // Юрист. 2017. № 12; Гриб В. В. Актуальные проблемы формирования правовых основ общественного контроля // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 12.

¹⁹ См.: Гурова И. П., Махонько О. П. Международные стандарты этики учетных профессий // Финансовые и бухгалтерские консультации. 2004. № 10.

России (одобрен Минфином России 31.05.2007 г., протокол № 56); Кодекс (Свод правил) корпоративного поведения (утв. и рекомендован акционерным обществом, созданным на территории Российской Федерации, Распоряжением Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг от 04.04.2002 г. № 421/р); и др. К этой группе можно отнести Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании, принятый на итоговом Пленарном заседании VIII Всемирного Русского народного собора 4 февраля 2004 г. и предложенный для добровольного принятия руководителям предприятий и коммерческих структур, предпринимателям и их сообществам, работникам, профсоюзам, всем другим участникам экономических процессов, в том числе государственным органам и общественным объединениям, вовлеченным в хозяйствование²⁰.

Не лишено интереса, что в 1990-х годах, когда сама предпринимательская деятельность в России делала первые шаги, в отдельные этические кодексы коммерческих организаций включали принцип «прибыль важна, но честь важнее». Однако этот принцип в общем-то не прижился по понятным причинам, к тому же абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ определяет предпринимательскую деятельность как самостоятельную, осуществляемую на свой риск, направленную на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. И как совместить указанный лозунг с названной правовой нормой, особенно в условиях 90-х годов, с расцветом криминального олигархата, финансовых пирамид, повседневно уклонения от уплаты налогов, в том числе вызванного отсутствием (тогда) Налогового кодекса РФ, и, как следствие — обязанностью уплачивать такое количество налогов, установленное множеством налоговых законов, которое подчас превосходило не только получаемые доходы, но и прибыль.

Но это скорее исключение из сложившейся ситуации. Поскольку, например, в Кодексе этики прокурорского работника РФ и в Конвенции воспитательной работы в системе прокуратуры РФ, утвержденных приказом Генеральной прокуратуры РФ от 17 марта 2010 г. № 114 (в ред. от 16.09.2020 г. № 481), такого четкого разграничения нет. В п. 5 «Ответственность прокурорского работника за нарушение требований настоящего Кодекса» этого акта сказано: «5.1. За нарушение положений настоящего Кодекса руководителем органа прокуратуры лично или при необходимости в присутствии трудового коллектива к прокурорскому работнику могут быть применены следующие меры воздействия: устное замечание; предупреждение

о недопустимости неэтичного поведения; требование о публичном извинении. 5.2. Нарушение прокурорским работником норм Кодекса, выразившееся в совершении проступка, порочащего честь прокурорского работника, является основанием для привлечения его к дисциплинарной ответственности».

Сходное регулирование имеет место и в Кодексе этики и служебного поведения работника государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» (утв. приказом этой корпорации от 02.07.2018 г. № 204). В разд. V «Ответственность работника за нарушение положений Кодекса» этого акта установлено: «12. Нарушение работником положений настоящего Кодекса может быть рассмотрено на заседании комиссии корпорации по соблюдению требований к служебному поведению работников и урегулированию конфликта интересов, в ходе которого работник, допустивший нарушение, может быть предупрежден о недопустимости неэтичного поведения. 13. Нарушение работником положений Кодекса, образующее дисциплинарный проступок, влечет за собой применение к работнику дисциплинарного взыскания в случаях и в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами корпорации».

Но в основном в этических кодексах этическая и правовая ответственность не разделены. Так, к примеру, в разд. IV «Ответственность за нарушение положений Типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих», одобренного решением Президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции (напрашивается вопрос: не вышел ли этот Совет за пределы своих полномочий? Ведь он предназначен для борьбы с коррупцией, но не для универсального, всеобъемлющего этического регулирования поведения государственных и муниципальных служащих!) от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21), содержится следующая норма об ответственности (п. 29): «Нарушение государственным (муниципальным) служащим положений Типового кодекса подлежит моральному осуждению на заседании соответствующей комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных (муниципальных) служащих и урегулированию конфликта интересов, образуемой в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 1 июля 2010 г. № 821 “О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов”, а в случаях, предусмотренных федеральными законами, нарушение положений Типового кодекса влечет

²⁰ См.: Официальный сайт Московского Патриархата // <http://www.mospat.ru/archive/church-and-society/30427>

применение к государственному (муниципальному) служащему мер юридической ответственности.

Соблюдение государственными (муниципальными) служащими положений Типового кодекса учитывается при проведении аттестаций, формировании кадрового резерва для выдвижения на вышестоящие должности, а также при наложении дисциплинарных взысканий».

Это означает, что есть (или должны быть) федеральные законы, содержащие положения, согласно которым этическая ответственность, установленная названным этическим Кодексом, приравнивается к ответственности юридической. Вряд ли это принципиально верно. Да и законы такие, с таким содержанием относительно государственных и муниципальных служащих автор данных строк отыскать не смог.

Но есть такой закон относительно наших судей. Речь идет о Законе РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (в ред. от 05.04.2021 г. № 63-ФЗ) «О статусе судей в Российской Федерации»²¹, где в п. 1 ст. 12.1 «Дисциплинарная ответственность судей» установлено: «1. За совершение дисциплинарного проступка, то есть за совершение виновного действия (за виновное бездействие) при исполнении служебных обязанностей либо во внеслужбное время, в результате которого были нарушены положения настоящего Закона и / или кодекса судейской этики, утверждаемого Всероссийским съездом судей, что повлекло умаление авторитета судебной власти и причинение ущерба репутации судьи, в том числе вследствие грубого нарушения прав участников процесса, на судью, за исключением судьи Конституционного Суда Российской Федерации, может быть наложено дисциплинарное взыскание в виде: 1) замечания; 2) предупреждения; 3) понижения в квалификационном классе; 4) досрочного прекращения полномочий судьи (п. 1 в ред. Федерального закона от 29.07.2018 № 243-ФЗ)».

Редакция положения, согласно которому дисциплинарный поступок судьи есть «совершение виновного действия (виновного бездействия) при исполнении служебных обязанностей либо во внеслужбное время, в результате которого были нарушены положения настоящего Закона и / или кодекса судейской этики, утверждаемого Всероссийским съездом судей...», означает (это «и / или») полное отождествление этической (не юридической) и дисциплинарной (правовой) ответственности судей.

Характерно, что: а) в самом действующем Кодексе судейской этики в редакции, принятой IX Всероссийским съездом судей 8 декабря 2016 г., вообще раздела об ответственности судей нет, а редакция этической ответственности судей,

закрепленная в Кодексе судейской этики, утвержденном VI Всероссийским съездом судей 2 декабря 2004 г., гл. 4 «Ответственность судьи за нарушение требований настоящего Кодекса» состояла лишь из одной статьи «Дисциплинарная ответственность судей», полностью, текстуально воспроизводящая текст ст. 12-1 «Дисциплинарная ответственность судей» Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации»; б) редакция ст. 12.1 указанного Закона, отождествившая этическую и дисциплинарную ответственность судей, не соответствует изложенной в императивной форме позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 23 февраля 2008 г. № 3-П: «Между тем корпоративные акты судейского сообщества, каковыми являются названные кодексы (речь шла о Кодексе чести судьи 1994 г. и Кодексе судейской этики 2004 г. — М.К.), формулируя правила поведения судьи, не могут исходить из расширительного толкования составов дисциплинарных проступков, как они определены Федеральным законом “О статусе судей в Российской Федерации”. Соответственно, неисполнение приведенных корпоративных норм само по себе не может служить основанием досрочного прекращения полномочий судьи, если только при этом им не были совершены действия, которые законом (! — М.К.) рассматриваются как не совместимые по своему характеру с высоким званием судьи»²². Таким образом, Конституционный Суд из формулы дисциплинарного проступка судьи юридически, в рамках своих полномочий исключил все относящееся к этическому проступку, к этическому регулированию. За исключением того сегмента, который, оставаясь формально этическим проступком, одновременно является проступком дисциплинарным (равно в случае, когда этический проступок в то же время — преступление, караемое уже уголовной ответственностью).

Вообще же нормы об этической ответственности должны содержать формулу нарушения, за которое и должна наступить эта ответственность. И эта формула должна охватывать понятие нарушения, а не должна быть отсылочной, как случилось со ст. 12.1 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации».

К сожалению, правоприменительная практика нередко считает нарушение судьей положений Кодекса судейской этики дисциплинарным проступком. Например, в решении Квалификационной коллегии судей Иркутской области от 28 апреля 2016 г. сказано: «Таким образом, судьей Бодайбинского городского суда Иркутской области... нарушены требования Кодекса судейской этики, в соответствии со ст.ст. 6, 11, 14 которого судья должен

²¹ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30, ст. 1792.

²² См.: Сборник актов о суде и статусе судей Российской Федерации: в 3 кн. Вып. 51. Кн. 3. С. 28.

следовать высоким стандартам морали и нравственности, быть честным, в любой ситуации сохранять личное достоинство, дорожить своей честью, избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти и причинить ущерб репутации судьи, должен соблюдать высокую культуру поведения в процессе, поддерживать порядок в судебном заседании, вести себя достойно, терпеливо, вежливо в отношении участников процесса и других лиц, присутствующих в судебном заседании. Приведенными в представлении нарушениями Кодекса судейской этики судья Бодайбинского городского суда Иркутской области умалила авторитет судебной власти и причинила ущерб репутации судьи, то есть совершила дисциплинарный проступок»²³.

Исключительно важным при отождествлении этической (не правовой) и дисциплинарной (правовой) ответственности является принципиальная разница в наказаниях за их нарушение, разница в применении «мягкой силы» и жесткого государственного принуждения. Это отождествление, по сути, означает, что этическая ответственность вообще не нужна.

Правда, история знает примеры этического (по форме) регулирования, где положение об ответственности за нарушение было не менее, а то и более жестким в сравнении с правовым. Само этическое регулирование как «мягкая сила» не может и не должно содержать положений жесткого принуждения, соответственно, этическая ответственность в отличие от правовой по своей сути «мягкая» во всем диапазоне своих проявлений. Но есть и разного рода исключения. Здесь достаточно сослаться на широко известный японский Кодекс самурая «Бусидо», который тому яркое подтверждение. «Бусидо» (в пер. «Путь воина») — набор требований и правил поведения настоящего самурая, образовавшийся в XII—XIII вв., содержит большое число норм явно не правового, а этического характера, но эти нормы жестко определяют правила поведения самурая не только в военных действиях, в обществе, в быту и пр., но и в одиночестве, в том числе требование совершить самоубийство, если честь самурая запачкана. Причем жестоким образом — с применением т.н. сеппуку (харакири), когда самурай взрезает себе живот, а близкий отрубает в этот момент ему голову.

Данный пример этической (!) ответственности приведен здесь с одной целью — показать всё разнообразие видов и форм ответственности за нарушение норм этического регулирования, в том числе тех, которые по своей «жесткости» превосходят

самые суровые виды ответственности за правонарушения, прежде всего уголовного толка.

Правда, история знает и такие виды ответственности — наказания за правонарушения, которые по своей жестокости и бесчеловечности превышают все мыслимые пределы. Но, во-первых, они имели место давно, хотя их исполнение обеспечивалось принудительной силой государства, в том числе в нашей стране, а сейчас это — редкость; а во-вторых это наказание государственное, а регулируемое Кодексом «Бусидо» обеспечивалось самопониманием провинившегося самурая и приводилось им в исполнение лично; и, в-третьих, считать, что сам Кодекс «Бусидо» в настоящее время устарел, а закрепленная в нем ответственность уже не применяется, преждевременно. Такая уж очень консервативная эта страна Япония, вернее — её общество. Достаточно сослаться на существование до сих пор (во всяком случае несколько лет назад это точно было) двух фирм, выпускающих обувь, одна из которых была образована в VIII, а вторая — в VI в. н.э.

А в Китайской Народной Республике, к примеру, партийная ответственность за нарушение норм Устава Компартии Китая подкрепляется ответственностью этической для партруководителей, содержащейся в Правилах по сохранению частной политической деятельности руководителей — членов Компартии Китая, где содержатся 52 табу, в том числе запрет устраивать родственникам пышные похороны, запрет «бросать вызов семейной морали», запрет играть в гольф, предаваться чревоугодию, изменять женам, иметь «второстепенных жён» — любовниц²⁴.

* * *

Все сказанное выше означает: 1) в нынешней системе координат, публично-правовой прежде всего сферы без единой «линейки» нарушений, где они размещены «слева направо» в зависимости от их степени общественной опасности, не исключены законодательные «огрехи» нарушений такой зависимости (когда, например, этическое — не правовое — нарушение влечет дисциплинарную (правовую) ответственность); 2) предложенная «линейка» нарушений позволит радикально, на иной методологической основе усовершенствовать ряд законодательных — материально- и процессуально-правовых кодифицированных актов, провести работу по инкорпорации в необходимых случаях норм в отдельных отраслях законодательства, а в будущем, не исключено, и кодифицировать в отдельном акте единый процессуальный акт, регулирующий уголовно-административные

²³ Вестник Высшей квалификационной коллегии судей РФ. 2017. № 4 (54). С. 17.

²⁴ См.: Росс. газ. 2015. 23 окт.

отношения; 3) в конце концов без подобной научной составляющей, позволяющей проводить надлежащее упорядочивание регулирования во всех сферах общественных отношений, в наше турбулентное время явно не обойтись.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Власова Т.В.* Виды и стадии регулирования правоотношений // Росс. правосудие. 2021. № 8. С. 54–58.
2. *Гаврилов Б.Я., Рогова Е.В.* Мировая юстиция и уголовный проступок: мнение ученого и практика (обоснование проблемы, современное состояние и меры по совершенствованию) // Мировой судья. 2016. № 12. С. 20–31.
3. *Горбатович Д.А.* Добровольный отказ и непроступные уголовно-правовые деяния // Росс. правосудие. 2022. № 3. С. 89–98.
4. *Гриб В.В.* Актуальные проблемы формирования правовых основ общественного контроля // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 12.
5. *Грудцына Л.Ю.* Кодекс этики членов Общественной палаты России // Адвокат. 2007. № 8.
6. *Гурова И.П., Махонько О.П.* Международные стандарты этики учетных профессий // Финансовые и бухгалтерские консультации. 2004. № 10.
7. *Дорошков В.В.* К вопросу об уголовном проступке // Мировой судья. 2016. № 12. С. 31–39.
8. *Дризе Ю.* Интервью с С. Шумским. Думай, как я. Искусственному интеллекту требуется воспитатель // Поиск. 2022. № 28–29. С. 5.
9. *Ершов В.В.* Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М., 2018.
10. *Ершов В.В.* Регулирование правоотношений. М., 2020.
11. *Зорькин В.Д.* Конституционный Суд Российской Федерации: доктрина и практика. М., 2017. С. 385.
12. *Кузнецова Н.Ф.* Преступление и преступность. М., 1969. С. 167–170.
13. *Лукашева Е.А.* Нормативность как феномен культуры: происхождение и значение // Труды ИГП РАН. 2019. Т. 14. № 2. С. 21.
14. *Максимов С.В.* Новейшая уголовная политика России (1996–2016): итоги, проблемы, перспективы: науч. доклад (Отдельное издание). М., 2016.
15. *Малиновский А.А.* Кодекс профессиональной этики: понятие и юридическое значение // Журнал рос. права. 2008. № 4. С. 39.
16. *Мирошник С.В.* Развитие права в цифровую эпоху // Росс. правосудие. 2022. № 1. С. 16–23.
17. *Решетникова И.В.* Гарантии деятельности членов общественных палат // Юрист. 2017. № 12.
18. *Севрюгин В.Е., Козлова А.С.* Роль административно-правовой науки в разработке нового Кодекса РФ об административных правонарушениях // Lex russica. 2016. № 10 (119). С. 170.

19. *Финогентова О.Е., Полозков Е.В.* Система этических кодексов в современной России // Вестник БФУ им. И. Канта. 2013. Вып. 9. С. 15.
20. *Шарапов Р.Д.* Понятие уголовной ответственности: закон, теория, практика // Вестник Университета прокуратуры РФ. 2022. № 88. С. 29.
21. *Шаргородский М.Д.* Вопросы общего учения о наказаниях в период развернутого строительства коммунистического общества: межвуз. науч. конф. «Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма». Л., 1961. С. 78.

REFERENCES

1. *Vlasova T.V.* Types and stages of regulation of legal relations // Russ. justice. 2021. No. 8. P. 54–58 (in Russ.).
2. *Gavrilov B. Ya., Rogova E. V.* World justice and criminal misconduct: the opinion of a scientist and practice (substantiation of the problem, current state and measures for improvement) // Justice of the Peace. 2016. No. 12. P. 20–31 (in Russ.).
3. *Gorbatovich D. A.* Voluntary refusal and non-criminal criminal acts // Russ. justice. 2022. No. 3. P. 89–98 (in Russ.).
4. *Grib V.V.* Actual problems of formation of legal bases of public control // Constitutional and Municipal Law. 2014. No. 12 (in Russ.).
5. *Grudtsyna L. Yu.* Code of Ethics of members of the Public Chamber of Russia // Lawyer. 2007. No. 8 (in Russ.).
6. *Gurova I. P., Makhonko O. P.* International standards of ethics of accounting professions // Financial and accounting consultations. 2004. No. 10 (in Russ.).
7. *Doroshkov V.V.* On the issue of criminal misconduct // Justice of the Peace. 2016. No. 12. P. 31–39 (in Russ.).
8. *Drize Yu.* Interview with S. Shumsky. Think like me. Artificial intelligence needs an educator // Search. 2022. No. 28–29. P. 5 (in Russ.).
9. *Ershov V.V.* Legal and individual regulation of public relations. M., 2018 (in Russ.).
10. *Ershov V.V.* Regulation of legal relations. M., 2020 (in Russ.).
11. *Zorkin V.D.* Constitutional Court of the Russian Federation: doctrine and practice. M., 2017. P. 385 (in Russ.).
12. *Kuznetsova N.F.* Crime and criminality. M., 1969. P. 167–170 (in Russ.).
13. *Lukasheva E.A.* Normativity as a phenomenon of culture: origin and meaning // Proceedings of the ISL of the RAS. 2019. Vol. 14. No. 2. P. 21 (in Russ.).
14. *Maksimov S.V.* The newest criminal policy of Russia (1996–2016): results, problems, prospects: scientific report (Separate edition). M., 2016 (in Russ.).
15. *Malinovsky A.A.* Code of Professional Ethics: concept and legal meaning // Journal of Russ. law. 2008. No. 4. P. 39 (in Russ.).
16. *Miroshnik S.V.* Development of law in the digital age // Russ. justice. 2022. No. 1. P. 16–23 (in Russ.).

17. *Reshetnikova I. V.* Guarantees of activity of members of public chambers // *Lawyer*. 2017. No. 12 (in Russ.).
18. *Sevryugin V. E., Kozlova A. S.* The role of administrative and legal science in the development of the new Code of Administrative Offences of the Russian Federation // *Lex russica*. 2016. No. 10 (119). P. 170 (in Russ.).
19. *Finogentova O. E., Polozkov E. V.* System of ethical codes in modern Russia // *Herald of Kant BFU*. 2013. Issue 9. P. 15 (in Russ.).
20. *Sharapov R. D.* The concept of criminal responsibility: law, theory, practice // *Herald of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 2022. No. 88. P. 29 (in Russ.).
21. *Shargorodsky M. D.* Questions of the general doctrine of punishments during the extensive construction of a communist society: inter-university scientific Conf. "The Soviet state and law in the period of the expanded construction of communism". L., 1961. P. 78 (in Russ.).

Сведения об авторе

КЛЕАНДРОВ Михаил Иванович — член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KLEANDROV Mikhail. I. — Corresponding Member of RAS, Doctor of Law, Professor, chief researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia